

Заснув поздно вечером в своей постели, Масамити внезапно проснулся, услышав грохот.

— Что это было?

Резкое пробуждение от глубокого сна, видимо, привело его в легкое замешательство.

Он вскочил с кровати, потянулся правой рукой, чтобы включить свет, потом опомнился и потрепал себя по голове.

— Вот дурак. Прошло уже две недели с тех пор, как я сюда переехал.

До переезда к Сино Масамити жил в старой квартире эпохи Сёва, которая напоминала исторический заповедник.

Арендная плата была очень низкой, но квартира занимала шесть татами, имела общую ванную комнату, раковину, кухню и не имела ванны. Стены были тонкие, как бумага. Масамити всегда ходил по комнате на цыпочках, потому что жильцы соседней комнаты, кашляя, казалось, оказывались совсем рядом с ним.

От старого светильника, прикрепленного к потолку его бывшей комнаты, свисала длинная веревка, которую, должно быть, установил предыдущий жилец.

Разложив матрас на циновке татами, он мог легко включить свет, потянув за эту веревку.

Хотя все было старым, это была единственная удобная вещь.

Вероятно, бечевка была взята из упаковки от коробки конфет. Она была тонкой, прочной и сделана из смолы, что нечасто встречается в наши дни.

В груди у Масамити защемило, когда он вспомнил, как струна раскачивалась при малейшем движении, а узелки на ней служили опорой для рук.

Может, Сино и сделал мне более длинные пальцы, но я до сих пор помню это ощущение. Я рад. Я всегда хотел поскорее переехать, но что это? Я начинаю ностальгировать по своей старой квартире.

Пока Масамити размышлял об этих эмоциях, он внимательно прислушивался.

Грохот!

Шум был негромким, но его постоянно можно было услышать из коридора. Похоже, человек

что-то делал... например, открывал и закрывал ящик с плохим запорным механизмом.

Только не говорите мне, что нас грабят?

Подумал Масамити, но Сино с его обостренным восприятием никак не мог этого не заметить.

Значит, Сино издает этот звук. Скорее всего, он работает в магазине. Возможно, он сможет лучше сосредоточиться, если меня не будет рядом.

С этими словами Масамити снова лег на кровать.

Он попытался закрыть глаза и уснуть, но это было непросто, когда ему было интересно, что происходит в коридоре.

— Вот черт!

Не в силах больше терпеть, Масамити наконец встал с кровати.

Он надел кардиган, расстеленный на кровати, и вышел из комнаты, ступая босыми ногами по прохладной и скользкой циновке татами.

Зная Сино, Масамити бессмысленно было пытаться вести себя тихо. И как бы тихо он ни шел, крутая старая лестница издавала скрип-скрип.

Когда Масамити вошел в чайную комнату, Сино, стоявший к нему спиной и что-то делавший за низким столиком, сказал, даже не взглянув на него:

— Иди спать.

Этот ледяной тон поначалу испугал бы Масамити. Но за эти две недели он понял, что на самом деле Сино не злится.

Теперь я знаю, что суровость - это стандартный тон Сино.

Вместо того чтобы испугаться, он обрадовался, что Сино не проигнорировал его, и честно сказал:

— Я спал, но проснулся из-за шума.

Масамити никогда не произносил подобных фраз, поскольку в зависимости от того, с кем он

разговаривал, это могло быть воспринято как грубое обвинение. Масамити всегда был внимателен к окружающим и никогда не говорил того, что хотел сказать. Но сейчас все было иначе. Если он не выразит свои чувства честно, хозяин отругает его.

Поначалу Масамити пугала мысль о том, что он может испортить настроение Сино или быть слишком невоспитанным, но откровенность оказалась более захватывающей, чем Масамити ожидал.

Он был счастлив, что может выразить свои чувства словами, и даже почувствовал, что, возможно, стал немного жестче.

— Я знаю, что эта зона находится прямо под моей комнатой, но все же шум был довольно громким.

Сино не ответил, как и ожидалось, и Масамити продолжил:

— Это работа? Я вернусь в свою комнату, если буду тебя отвлекать, но я бы хотел понаблюдать, если ты не против. Хочешь, я сделаю чай?

Сино пожал плечами и вернулся к работе.

На щеке Масамити появилась маленькая ямочка.

В случае с Сино он был честен и не возражал, чтобы Масамити оставался в комнате - иначе он сказал бы ему убраться. К тому же, если он не отвергнет предложение Масамити, то наверняка захочет пить.

Масамити вскипятил воду на крошечной кухне и заварил зеленый чай ходжича. Затем он поставил две чашки на маленький поднос и отнес его на низкий столик.

— Вот, пожалуйста. Я поставлю их сюда, чтобы они не мешали тебе работать.

Масамити поставил чашки на стол, положил подушку в нескольких футах от Сино и сел.

Сино, похоже, собирал какой-то предмет, разлетевшийся на кусочки.

Масамити с интересом посмотрел на его руки.

— Это тот самый предмет, который ты тогда купил?

— Нет. Он был среди старых инструментов, которые я взял в большом количестве.

— В таком плачевном состоянии?

Масамити вопросительно наклонил голову, а Сино озабоченно выпятил подбородок.

— Он был в ящике того чайного сундука.

— А, понятно. Может, хозяин положил его туда после того, как он сломался, и забыл о нем.

— Как это случилось, меня не касается, — отрывисто сказал Сино, но аккуратно собрал осколки вместе с помощью полупрозрачной штопальной ленты. Это была пугающе сложная работа.

— Он действительно разбит на куски - может быть, на двадцать или около того?

Не обращая внимания на Сино, чье молчание означало утвердительный ответ, Масамити выглядел взволнованным.

— Что это будет, когда вы соберете все вместе? Ты закончил основание. Судя по размеру, может быть, чайная чашка? Или чашка для риса?

Сино положил перед Масамити две детали.

— Прикрепи их и зафиксируй.

— А?! Ты не против, чтобы я это сделал?

— Это может сделать даже невинный ребенок.

— Правда? Голыми руками?

— Без проблем. Это не какой-то сложный антиквариат.

— О, хорошо.

Масамити осторожно взял по фрагменту в каждую руку и аккуратно попытался совместить поперечные сечения.

Два фрагмента идеально подошли друг к другу, а застекленный рот предмета был очерчен и слегка заострен, как клюв.

— А?!

Масамити заметил это и покрутил головой.

— Я ожидал увидеть кривую, но он немного заострена. Это правильно?

— Это чашка с крышкой, - сказала Сино.

— С крышкой? О, подожди, я поищу.

Ему было неудобно спрашивать Сино обо всем, поэтому он положил осколки на стол и искал в телефоне "чашка с крышкой".

— А, у чашки с крышкой заостренный конец, из нее удобно наливать жидкость.

Сино моргнул, чтобы ответить утвердительно.

— Части, которые я только что склеил, образуют губу этого предмета. Ты сказал, что это может сделать ребенок, но это сложно. Она соскальзывает с места, — хныкал Масамити.

Он подобрал поперечные сечения деталей и аккуратно скрепил их с помощью штопальной ленты.

— Это просто значит, что ты неуклюжее ребенка.

— Нет. На это я ничего не могу сказать.

Как-то умудрившись склеить кусочки, Масамити положил их перед Сино и с благоговением наблюдал, как тот без труда соединяет мелкие детали.

— В принципе, все готово. Но что ты будешь делать с ним после того, как соединишь кусочки и воссоздашь оригинал? Ведь с липкой лентой он будет недостаточно хорош для использования или демонстрации... не так ли? — спросил Масамити.

Сино отложил губу, над которой работал, и потянулся к чашке с чаем. Он проглотил горячий ходжича, не захлебываясь, и сказал:

— Я соединю детали.

— А?!

— Я покрою их лаком, а затем посыплю золотой пылью.

— О, ты говоришь о кинцуги? Я слышал, что с его помощью можно починить сломанные предметы. Но я не знал, что так можно делать с вещами, которые были разбиты на куски.

— Это требует времени и усилий. Когда вещь так сильно разбита, происходит много процессов. Я присваиваю каждой детали номер, обрезаю края, скрепляю их пастой из лака и пшеничной муки, а промежутки заполняю другим видом лака. На каждый этап процесса уходит несколько недель сушки.

— Это уже похоже на большую работу, но ты сможешь это сделать, Сино?

Сино приложил палец ко лбу Масамити, чтобы оттолкнуть его, и вернулся к своему занятию.

— Естественно. Меня научил предыдущий владелец этого магазина. Я выучил его, думая, что это хороший способ убить время, но оказалось, что он весьма полезен.

— Ах да, предыдущий владелец... Дайдзо, верно? Антиквары могут делать такие вещи, да?

— Это зависит от конкретного человека. Дайдзо принимал разбитые сосуды, проводил кинцуги и продавал их по низким ценам.

— А. Это переработка.

— На предмете могут появиться сколы, и он потеряет свою ценность как антиквариат, но это не умаляет качества сосуда. При правильном ремонте его очарование возрастет. Он сказал, что, приобретая и ежедневно используя такой предмет, я должен развить в себе способность определять прекрасные вещи и познать радость использования красивых вещей.

Сино говорил это своим обычным холодным и бесстрастным тоном.

Но Масамити улыбнулся. Сино никогда бы в этом не признался, но каждое его слово было пропитано симпатией к предыдущему владельцу.

— Над чем тут смеяться?

Быстро заметив выражение лица Масамити, Сино поднял брови. Все еще улыбаясь, Масамити сказал:

— Я никогда не встречал их, но думаю, что Дайдзо и его жена Ёрико, должно быть, были прекрасными людьми.

— Я не понимаю, что значит "прекрасные", но они были добродушной парой. Они были вне себя от радости, когда я пришел к ним, не понимая, что я призрак, и сказали, что это было похоже на то, как будто их умерший сын вернулся к ним. А что, если они знали, кто я?

Тонкие губы Сино скривила саркастическая улыбка, но Масамити категорически отрицал то, что собирался сказать.

— Если бы они знали, это ничего бы не изменило.

Когда Масамити ответил необычно прямо, Сино заговорил неприятным, режущим слух тоном.

— Ты хочешь сказать, что эти люди полюбили бы призрака как своего собственного?

В голосе Сино слышалась мрачность, которая говорила о том, что при очередном толчке он рассердится, но Масамити не испугался. Он чувствовал, что это то, что он должен сказать Сино.

— Почему бы и нет? Собаки, кошки и птицы становятся твоими детьми, когда ты живешь с ними. Живя под одной крышей, питаюсь вместе, общаясь и делюсь различными воспоминаниями, я думаю, они бы назвали тебя своим, независимо от того, был ли ты призраком.

Сино слегка наклонился вперед, кажется, впервые заинтригованный.

— А люди считают зверей своими детьми?

— Звери? Давай называть их животными. Эй, это даже не обязательно должно быть животное.

— Что?

— Например, один мой друг купил на сэкономленные деньги мотоцикл и назвал его своим любимым. А одна моя знакомая, которая состояла в японском клубе стрельбы из лука, называла свой лук любимым.

Бровь Сино нахмурилась, образовав неглубокие вертикальные морщины. Он хмыкнул и сказал:

— Не знаю, — держа в каждой руке по маленькому кусочку. — У многих людей действительно есть сердце к вещам. Из-за сильной привязанности их чувства превращают вещи в духов-артефактов. Мне это хорошо известно, но я никогда не думал, что они зайдут так далеко, что станут считать вещи своими возлюбленными. Итак, Масамити, у тебя тоже есть такой предмет?

Масамити задумался и неопределенно покачал головой.

— Он не мой, но собака, которая была у моих родственников, живших неподалеку, до сих пор мне как старший брат. Я был единственным ребенком, и мне было приятно иметь рядом большого пса, который защищал меня.

— Сводный брат.

— Да. Не знаю, как пес относился ко мне, но... О да. Эта собака...

Масамити начал что-то говорить, но вдруг закрыл рот.

Сино несколько раз звал его в свою комнату, и они спали бок о бок. Эти ночи напомнили Масамити о том, как он дремал в доме своих родственников, прижавшись к большой собаке и ощущая комфорт и защищенность. Масамити хотел сказать об этом Сино, но вряд ли тот был бы рад это услышать.

— В чем дело? — спросил Сино.

— О, ничего. Так... ты собираешься использовать кинцуги на этом предмете и продать его по дешевке?

Масамити с силой переключил внимание на то, что они обсуждали, и хотя Сино выглядел немного сомневающимся, он не стал комментировать это изменение. Он просто ответил:

— Нет, я не продам его дешево.

— А?!

— Этот предмет был любимым у его владельца. Эмоции не настолько сильны, чтобы создать дух артефакта, но я все равно чувствую привязанность владельца к нему.

— К сожалению, я не могу этого почувствовать, но ты прав.

— О? Почему?

— Потому что это была их любимая вещь, они не могли выбросить ее после того, как она разбилась на кусочки, как сейчас, и хранили ее в ящике. Я бы так и поступил.

— Понятно. Человеческие глупости непостижимы. Я не понимаю его и не собираюсь пытаться.

— Я знаю, что это бессмысленно, но... почему это не повод продавать его со скидкой?

В ответ на простой вопрос Масамити, Сино попытался объяснить тоном, который говорил о том, что это просто здравый смысл.

— Объект, который полюбил человек, хочет остаться с ним. Привязанность положительная. Если новый владелец будет бережно относиться к предмету, он принесет больше положительной энергии.

— Ты хочешь сказать, что он принесет удачу новому владельцу?

— Ты начинаешь немного понимать.

Сино слегка приподнял уголки рта, а затем опустил предмет, закончив его на полпути.

— При грубом обращении этот предмет может навлечь на себя неожиданное возмездие, но если его владелец будет хорошо о нем заботиться, это будет хорошим предзнаменованием. Вполне естественно, что и платить они будут соответственно.

— Понятно. Полагаю, ты думаешь иначе, чем предыдущий владелец. Но ты такой же, как он. Ты даешь новую жизнь сломанным вещам и находишь для них новых хозяев.

— Возможно.

— Я знаю, что я прав.

Масамити кивнул, отпил немного остывшего ходжича и начал вставать.

— Ладно. Я не должен оставаться здесь и мешать тебе всю ночь, так что я иду спать.

Даже не сказав "Делай, что хочешь", Сино вернулся к работе.

Больше не беспокоясь о том, что ему не ответили, Масамити во второй раз пожелал спокойной ночи, ополоснул чайные чашки и вышел из комнаты.

Он медленно поднялся по крутой лестнице с улыбкой на лице.

Если бы я сказал, что он делает очень кропотливую работу, он бы ответил, что это потому, что изделие будет продано по более высокой цене, что может быть правдой. Но то внимание, которое он вкладывает в свою работу, говорит о его доброте.

Потирая перила, отполированные до гладкости за годы прикосновений человеческих рук, Масамити продолжал размышлять.

Сино сказал, что у призраков нет эмоций. У них нет чувства доброты или любви. Если это так, то его покойный хозяин, владелец этого места и его жена, должно быть, были теми, кто научил его доброте. Я бы хотел с ними познакомиться.

В груди у Масамити потеплело.

От этих скромных ощущений счастья ему захотелось спать, и он громко зевнул, как только открыл дверь в свою комнату и забрался в постель.

<http://bllate.org/book/13974/1228851>